

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Новое
Литературное
Обозрение

*Организаторам и любителям
блошинных рынков, а также всем,
кого не оставляют равнодушными
старые вещи, их истории и тайны*

СОДЕРЖАНИЕ

Памяти Манни: Почти детективное предисловие (И. Нарский) . . . 11

Часть I. Давайте знакомиться: о (не)написанной книге и ее авторах

Глава 1. Человек на блошином рынке, или Приватное измерение прошлого (И. Нарский, Н. Нарская) . . .	32
<i>Блошинный рынок среди других хранилищ вещей</i>	32
<i>Какую книгу о блошином рынке мы не написали</i>	36
<i>Что мы задумывали: предыстория и границы исследования</i> . . .	39
<i>Текст — научный или художественный?</i>	44
<i>Достижения и дефициты</i>	49
<i>Постановка вопросов, структура работы, разделение труда</i> .	56
<i>Зыбкая почва источников</i>	60
Глава 2. Рассказы о любви к старым вещам	64
А. <i>Горьковское детство (И. Нарский)</i>	64
У Хазановых: нежное прикосновение к старине	66
Встреча с антикваром	75
Нарские: травмы прошлого	80
Б. <i>Детство в старинном доме (Н. Нарская)</i>	89
Старый дом	91
Хозяйка дома	103
Тайна деда	111
Мой рыцарь	120
Моя мама	127
Мой папа	132
«Безвозвратные потери» и ностальгия	141
Глава 3. Портретируем друг друга	147
<i>Наташа (И. Нарский)</i>	148
<i>Мой Игорь (Н. Нарская)</i>	157
<i>Напутствие читателю</i>	168

Часть II. Блошинный рынок делает историю

(И. Нарский)

Глава 1. Рождение блошиного рынка	176
Откуда взялся блошинный рынок?	176
Блошинный рынок в Германии: факторы популярности	183
Искатели сокровищ	190
Первая композиция: часики с подчасником	195
Глава 2. Организация толкучки	202
Как организован блошинный рынок?	202
Законы толкучки	208
Один день на блошином рынке	213
Манни: эскиз образа	220
Русская икона, еврейская чарка	228
Глава 3. Приключения на блошином рынке	237
Функции блошиного рынка	237
Кого тянет на барахолку?	244
Потери и находки	249
Новый «лоцман»: Ники	256
Чернильные приборы	261
Глава 4. Коммуникация на барахолке	265
Одиночество и коммуникация на блошином рынке	265
Конфликт поколений	272
«Ликвидация домашних хозяйств»	276
Альма и Густав	281
Вторая композиция: пивная кружка с подставкой	287
Глава 5. Сегодня и завтра блошиного рынка	292
Альтернатива блошиному рынку: eBay	292
Мерцающее неблагополучие	296
Рейнхард и другие знакомства	301
Серебряные задачи	306
Блошинный рынок, Манни и другие: отражение общества?	311

Часть III. Люди рассказывают о старых вещах

(И. Нарский)

Глава 1. Памяти старого друга	318
<i>Память и вещи</i>	318
<i>Павел и Каролина</i>	324
<i>Книги Павла</i>	330
<i>Наш югендстиль</i>	337
Глава 2. Встреча эпох	344
<i>Правда и вымысел рассказа</i>	344
<i>Гета и Бася, или Две Агнии</i>	348
<i>«Еленины детки», «Басины детки»</i>	354
<i>Ар-деко</i>	360
Глава 3. Собиратели	367
<i>Музеи</i>	367
<i>Коммуникация коллекционеров</i>	371
<i>Брошка от фрау Фрёллингер</i>	376
<i>Бидермайер</i>	380
Глава 4. «Поточный блошиный рынок» на телеэкране	388
<i>«Наличные за раритет» (Bares für Rares)</i>	388
<i>Действующие лица телепередачи:</i> <i>ведущий, эксперты и торговцы</i>	396
<i>Сенсационные покупки на «поточном блошином рынке»</i>	401
<i>Тайны старых вещей в комиксах</i>	408
<i>Байки о находках</i>	412

Часть IV. Старые вещи рассказывают

о людях (И. Нарский)

Глава 1. Восточный фронт в семейном интерьере	422
<i>Лейтенант вермахта в советской униформе</i>	422
<i>Разговорчивые вещи</i>	430
<i>Война инженера текстильной промышленности</i>	435
Глава 2. Политическая история на барахолке	444
<i>«Картины из жизни вождя»</i>	444
<i>Война и революция на толкучке</i>	451
<i>Милитария</i>	459

Глава 3. Артефакты погибших цивилизаций	466
<i>Карнавальные ордена, траурные брошки и другие странности</i>	466
<i>Предметы, указывающие на смыслы</i>	474
<i>Бенно</i>	479
Глава 4. Памятные вещи	487
<i>Подарки с посвящениями</i>	487
<i>Места памяти</i>	493
<i>Дино и Магда</i>	500
Глава 5. Злоключения венского черта в Стране Советов	508
<i>Венская бронза в СССР</i>	508
<i>Наталья Сергеевна</i>	515
<i>Превращение венского черта в каслинского</i>	521
<i>Оскопление Берманова черта?</i>	528

Часть V. Женщина на блошином рынке (Н. Нарская)

Глава 1. Следы детства	536
<i>Кукольная брошка</i>	536
<i>«Женская» оптика, «гендерная» перспектива</i>	542
<i>Фарфоровые сокровища на барахолке</i>	546
<i>Базельские «Миры игрушек»</i>	554
<i>«Детский мир» на блошином рынке</i>	562
<i>Плюшевые мишки</i>	569
Глава 2. Женские страсти	576
<i>О гендерном разделении труда на блошином рынке</i>	576
<i>Страсть к дамским сумкам, или Похвала материалам</i>	582
<i>Перчатки, рукоделие и другие галантерейные мелочи</i>	590
<i>Обитатели блошиного рынка</i>	599
<i>Старомодная мода на блошином рынке</i>	608
Глава 3. Коллекционирование и гендер	614
<i>Женское коллекционирование</i>	614
<i>Притяжение осветительных приборов</i>	619
<i>Остров сокровищ</i>	625
<i>Запахи и звуки блошиного рынка</i>	634
<i>Спасение «мусора», мистическое отторжение и «миссия спасения»</i>	640

<i>Часть VI. Русский след на блошином рынке (И. Нарский)</i>	
Глава 1. Барахолка по-русски	648
<i>Блошиный рынок в России: отражение исторических травм</i>	648
<i>Детский коврик</i>	656
<i>Почему нет русского аналога Vares für Rares?</i>	660
Глава 2. Российские осколки на мюнхенской толкучке	670
<i>Русское прошлое на немецком блошином рынке</i>	670
<i>Нижегородская медаль</i>	676
<i>Алик</i>	682
Глава 3. Русские на немецкой барахолке	688
<i>(Знаменитые) русские на блошином рынке</i>	688
<i>«Русская» береза на немецком блошином рынке</i>	696
<i>Макс, Витек и Михаил</i>	704
Глава 4. На границе пространства и времени	709
<i>Значок</i>	709
<i>Даня, Боря и граница</i>	714
<i>Что мы делаем на блошином рынке?</i>	724
 Блошиный рынок и private history: история как концептуалистский арт-проект? (Вместо заключения)	
<i>(И. Нарский, Н. Нарская)</i>	731
<i>Художественный концептуализм и научное «скитальчество» (И. Нарский)</i>	731
<i>Рождение новой культурной истории и нового блошиного рынка</i>	738
<i>Ниша историка на блошином рынке</i>	746
Послесловие 1. Блошиный рынок, детские реминисценции, благодарный труд <i>(Н. Нарская)</i>	756
Послесловие 2. Прощание с Манни и блошиным рынком <i>(И. Нарский)</i>	768
Примечания	780
Библиография	816

ПАМЯТИ МАННИ:
ПОЧТИ ДЕТЕКТИВНОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

(И. Нарский)

У него... раньше были большие планы на будущее, но он никогда не смог продвинуться дальше... блошиного рынка, этого места свалки не только старья и ветоши, но и целых человеческих жизней.

Рихард Свартиц¹

Погожим воскресным утром 29 апреля 2018 года я еду на работу. Университет Людвига и Максимилиана — это недалеко. Через четверть часа, проехав на велосипеде сонными улицами и миновав гулкие коридоры, я вхожу в свой кабинет. Хорошо, что улицы пустынные и в университете ни души. Я решился на шаг, который требует душевного равновесия, сосредоточенности и уединения. Не хотелось бы, чтобы кто-то отвлек меня разговором или хотя бы приветствием.

Я сажусь за рабочий стол, нахожу в записной книжке айфона внесенный туда накануне телефонный номер, включаю диктофон, кладу его рядом со стационарным телефонным аппаратом, переключаю телефон на громкую связь и медленно набираю номер, по которому никогда не звонил. После нескольких долгих гудков звучит очень знакомый, несколько отрывистый, но хорошо поставленный бас-баритон:

— Добрый день! К сожалению, в настоящий момент я недоступен. После звукового сигнала оставьте свой номер телефона, я перезвоню. Большое спасибо за ваш звонок. До свидания!

Я кладу трубку, не дожидаясь звукового сигнала, прослушиваю сделанную запись, жду, когда перестанет колотиться сердце, запираю кабинет и спускаюсь на улицу. Отъезжая от университета, я обращаюсь к самому себе:

— Теперь пути назад нет. Теперь я должен это сделать.

* * *

Я — Игорь Нарский, инициатор переосмысленного в тот весенний день проекта, захватившего со временем и мою жену Наташу. Я — один из соавторов этой книги. В ней каждый из нас будет говорить от своего имени, от первого лица. Во множественном числе будут излагаться наблюдения, настроения, мысли и действия, основанные на нашем совместном опыте. Кроме того, местоимение «мы» будет фигурировать там, где один из авторов приглашает читателя к совместным усилиям, подразумевая «я и вы, читатель», «мы с вами».

В тот апрельский день я окончательно решил на очередной исследовательский проект, о котором начал размышлять несколько лет назад. Изначально я задумал небольшой текст о блошиных рынках, вернее, об их обитателях и циркулирующих там предметах. Необычными в новом проекте были два момента. Во-первых, он задумывался не столько как научный и исторический, сколько как литературный по стилистике и этнологический по методологии*.

* Этнологический, или антропологический, подход в данном случае подразумевал концентрацию исследовательского внимания на поведении и восприятии изучаемых персонажей, а также использование метода включенного наблюдения и собственного опыта в качестве главных инструментов исследования.

Во-вторых, он для меня был и остается экзистенциально важным: я не мог от него отказаться, я рассматривал и рассматриваю его как миссию, которую я добровольно принял и которую за меня никто не выполнит. Отсюда такой драматичный, почти детективный зачин. Однако обо всем по порядку.

С некоторых пор я стал заядлым посетителем блошиных рынков тех городов и стран, в которые меня как историка — преподавателя и исследователя — забрасывала судьба. Несколько лет назад выяснилось, что эту страсть со мной самозабвенно разделяет моя жена — соавтор этой книги.

Старые вещи, попавшие на блошинный рынок, как правило, неизвестно откуда, чтобы исчезнуть в тот же день в неизвестном направлении вместе с неудачливым продавцом или удачливым покупателем, являются носителями историй — историй о том времени, когда они были произведены, и о тех людях, которые их произвели, ими владели и пользовались. Но истории эти, если речь не идет об уникальном предмете музейного уровня, снабженном экспертным заключением, как правило, остаются неизвестными за пределом частного круга семьи и друзей или доверительного сообщества собирателей, а сами вещи сохраняют анонимность. Тем не менее опытные торговцы с удовольствием рассказывают о них истории собственного производства, порой весьма убедительные. Оно и понятно: вещь с историей продается лучше и дороже, поскольку история тоже чего-нибудь да стоит.

Именно опыт блошиного рынка подал мне лежащую на поверхности первоначальную идею: придумать и рассказать истории невыдуманных, реальных вещей. Предметы стали бы поводом для рассказов, в которых исторический контекст соответствовал бы уровню современных научных знаний, а конкретные истории конкретных вещей — уровню опыта, эрудиции и развитости воображения автора. Пока

Ил. 1. Маннфред Герман
Вальтер (1942–2018).
Единственный
сохранившийся
снимок с ним

количество предметов с блошиного рынка, достойных описания, было обозримым, воплотить эту идею в текст казалось относительно легко.

* * *

Несколько лет назад я на целый год оказался в Мюнхене, чтобы работать там над книгой о советской танцевальной самодеятельности². И довольно скоро освоился с местным ландшафтом многочисленных блошиных рынков — и в городе, и в пригородах. Один из них я посещал чаще других и поэтому завел несколько шапочных знакомств с его посетителями.

С одним из местных торговцев я общался теснее. Высокий, крепко сложенный мужчина лет семидесяти, с пронзительными светлыми глазами, большим рыхлым носом, несколько отрывистым, иногда словно бы лающим голосом и шапкой русых волос, сразу же привлекал внимание

и располагал к себе (см. *ил. 1*). Он предлагал интересные предметы старины и украшения, о которых готов был подробно и вдохновенно рассказывать, честно указывал на изъяны своих товаров, удивлял умеренными ценами и готовностью идти на щедрые уступки. Все звали его Манни.

Около его прилавка вечно толпились люди. Помимо интересующихся разложенным на продажу, здесь были и те, кто показывал ему только что приобретенное у других торговцев с просьбой об экспертизе: провести датировку, установить страну происхождения того или иного предмета, а также проверить пробы золота и подлинность драгоценных камней ювелирных украшений. Я ни разу не видел, чтобы он кому-нибудь отказал. Скоро и я оказался среди его покупателей и заказчиков экспертизы.

Была и третья группа: те, кто заходил к Манни подружески поболтать за чашкой кофе, послушать его бесконечные истории и насладиться его неисчерпаемым чувством юмора. В этот круг я не входил. Моя попытка установить личные отношения с ним оказалась неудачной по моей вине: я не знал правил коммуникации на блошином рынке. Люди общаются здесь на «ты», а если хотят познакомиться, называют только свое имя.

Вместо того чтобы прибегнуть к этой общепринятой практике знакомства, я протянул ему свою визитку, создав тем самым непреодолимую дистанцию между нами. К профессорам в Германии все еще относятся как к небожителям. С этого момента в течение лет трех он обращался ко мне не иначе как «господин профессор». В группу друзей-собеседников Манни я вступил лишь одной ногой, и мне уже никогда не стать его задушевым собеседником: 29 апреля 2018 года, когда я впервые позвонил ему, мне было заведомо известно, что он не сможет ответить на мой звонок и не перезвонит мне. В тот момент Манни уже почти два месяца не было в живых.

* * *

Мы познакомились с Манни в субботу, 8 ноября 2014 года. Эту дату мне было нетрудно восстановить, поскольку накануне мы с Наташей вернулись из Инсбрука, где пару дней гостили у друзей. В день отъезда мы зашли к знакомому антиквару, и нам приглянулись старинные женские карманные золотые часы, цена на которые показалась нам завышенной. Мы решили обуздать азарт и набраться терпения до следующего дня, который обещал начаться с одного из мюнхенских блошиных рынков.

В тот солнечный ноябрьский день Наташа присмотрела английский сервировочный прибор для подачи рыбных закусок. Цена была приемлемой. Я уже вытащил стоевровую купюру для оплаты, но почему-то снова сунул ее без портмоне в один из многочисленных карманов куртки. И не сразу смог опять найти ее. Продавщица долго наблюдала за моими судорожными телодвижениями и растущим волнением, а затем предложила занести деньги в другой раз. Именно в этот момент я нашел купюру и протянул ей. У нее не оказалось сдачи. Это тоже одно из правил рынка: на него нужно приходиться с наменянной мелочью. Хочешь купить дешево — готовься заранее.

И тут я впервые услышал это имя.

— Манни, можешь разменять? — Женщина подвела нас к мужчине, который с готовностью разменял деньги, а затем улыбнулась: — Посмотрите, может, сдачу оставите у него?

Так и получилось. Мы сразу увидели на маленькой демонстрационной витрине женские золотые часы эпохи модерн, швейцарской, скорее всего женевской работы. Часы были исправны, тем не менее продавались дешевле золота, из которого был изготовлен их корпус (сто евро, или в четыре с лишним раза дешевле, чем у инсбрукского антиквара). Пока я обсуждал с продавцом достоинства и (указанные им) изъяны предмета торга, Наташа выудила из кучи

неинтересной бижутерии явно серебряное позолоченное ожерелье рубежа XIX–XX веков с многоцветными эмальями в виде двух соединенных в восьмерку подков — вероятно, крестьянское свадебное украшение. За него он хотел смехотворную цену — 5 евро, поскольку в двух местах незначительные фрагменты эмали были утрачены.

— И сколько мы вам должны, если купим два предмета? — деловито осведомился я, готовый к торгу и зная, что при покупке нескольких вещей цена снижается. Но Манни ответил мне как не умеющему считать малому дитяти.

— Тогда это будет стоить 105 евро, — терпеливо, без тени усмешки объяснил он мне. Действительно, снижать цену было уже некуда.

Пока мы торговались и расплачивались, какая-то женщина тоже рассматривала товары на прилавке Манни и стала невольной свидетельницей нашей покупки. Когда мы отошли в сторону упаковать «трофеи», она что-то сказала ему. Манни подошел к нам:

— Эта женщина готова заплатить вам за украшение 25 евро.

Не скрывая торжества по поводу приобретения, я отказался, сославшись на то, что это находка жены. Манни отнесся к нашему решению с полным пониманием и одобрением.

Так мы стали частыми, а затем постоянными клиентами Манни. Я всегда соглашался с назначенной им ценой (Наташа, к сожалению, большую часть моей мюнхенской жизни вынуждена была провести вдали от меня), а он назначал мне цены на самом низком уровне, на «болевом пороге» — на жаргоне немецкого блошиного рынка. Какие-то мелочи он Наташе дарил. За три с половиной года мы приобрели у него полторы дюжины предметов на сумму, превосходящую все, что мы выложили в те годы другим торговцам на этом и других рынках и в антикварных магазинах различных городов и стран. И последнее из этих приобретений

оказалось символичным, превратившись под грузом печальных событий в своего рода реликвию и место памяти.

* * *

Коммуникационная дистанция между Манни и мной стала сокращаться осенью 2017 года, когда я вновь оказался в Мюнхене, на этот раз для замещения должности университетского профессора. Помню, что, посетив блошинный рынок, я позвонил Наташе и радостно сообщил, что там ничего не изменилось — все на своих местах, и начал перечислять известных Наташе торговцев и покупателей, имен которых большей частью мы не знали и обозначали с помощью прозвищ, изобретенных нами для внутреннего пользования. Первым в этом перечне я назвал Манни.

Однажды, в октябре, Манни мимоходом упомянул, что на днях ему исполнится 75 лет и что эта дата его беспокоит: слишком солидная. Нет, в принципе он на здоровье жаловаться не может, разве что зубы подвели, но это у него наследственное, в мать. Вот тогда-то я и решил сделать ему подарок, который сможет стать поводом для разговора о новом проекте — или о серьезно переформатированном старом: о людях и вещах блошиного рынка.

Вскоре после знакомства с Манни в моей голове сошлись две мысли. Во-первых, о нереалистичности старой задумки о выдуманных историях про невыдуманные вещи. Пока количество приобретений на блошином рынке не перевалило за десяток, каждый из приобретенных предметов казался достойным отдельной детальной истории. Но когда число купленных или просто увиденных на блошином рынке и произведших впечатление вещей стало стремительно расти, возник почти неразрешимый вопрос об отборе предметов для рассказов, а сама идея выдуманных историй казалась теперь слишком узкой и плоской. Нужно было подумать о более сложной концептуализации.

Вторая идея состояла в том, чтобы написать книгу о блошином рынке как о месте встречи людей и вещей, месте специфического обращения с прошлым, альтернативной коммуникации и о причудливом отражении в блошином рынке состояния общества. В этом проекте можно было бы попытаться обратиться за помощью к Манни, который мог бы выступить лоцманом по рынку старых, странных и старинных предметов с его подводными камнями и течениями. Практика такого общения у нас была — ведь я регулярно обращался к нему с вопросами о товарах на его прилавке, а также за консультацией по поводу купленного на блошином рынке или в антикварном магазине.

Нужно было только объяснить ему, чего я хочу. Но я и сам еще толком не представлял себе, что это может быть. Самым простым в этой ситуации было подарить ему мою книгу, которая обнажала бы, по крайней мере, стилистику и методику будущего проекта. Такая книга, об исследовании семейной истории³, в переводе на немецкий язык у меня была⁴. Она удачно отражала и мой метод работы, и стиль письма: будущая тоже должна была в значительной степени строиться на интервью и быть экспериментом на стыке науки и беллетристики. С двухнедельным опозданием, в ноябре, я подарил Манни книгу с дарственной надписью, в которой благодарил за многое, чему я у него за эти годы научился, и выражал надежду на продолжение знакомства и учебы. И рассказал о проекте.

Манни откликнулся с энтузиазмом, обещал всяческую помощь, вызвался свести с интересными собеседниками и рассказать о многих тайнах и хитростях блошиного рынка. В течение нескольких недель он показывал посетителям подаренную книгу, рассказывал, что скоро мы будем писать новую, в шутку вербовал коллег в проект. Он начал читать книгу, но дальше первых страниц не продвинулся.

— Руки не доходят, — сетовал он.

Месяцем позже, после пары удачных покупок у Манни, я наконец настоял на том, чтобы он больше не называл меня «господин профессор», а обращался просто по имени. С этого времени мы стали общаться без повода, за чашкой кофе, принесенной им или мной из местного кафе. Мне это общение доставляло удовольствие. Мне кажется, симпатия была взаимной.

* * *

2 марта 2018 года я совершил у Манни одну из самых дорогих покупок. За месяц до этого на его демонстрационной витрине появилось новое, приобретенное на аукционе украшение: старинное, произведенное около 1890 года массивное золотое кольцо венской работы, украшенное изящной резьбой и крупным южноафриканским алмазом размером три четверти карата. Вначале, услышав от Манни цену, предупредительно сообщенную в ответ на мое спонтанное внимание к этому предмету, я даже не решился взять его в руки и примерить.

В течение месяца я наблюдал интерес посетителей к этому кольцу: многие останавливали на нем взгляд, рассматривали, расспрашивали, брали в руки, прикидывали вес, взвешивая на ладони, примеряли. И возвращали: либо не устраивала цена, либо размер, либо и то и другое. Манни продолжал с энтузиазмом рассказывать о, как он выразался, «своем сокровище», но цену на пару сотен евро постепенно снизил. Он удивлялся и сетовал, что кольцо и за эти деньги не продается.

В последней декаде февраля в Москве выходила моя книга о советской танцевальной самодеятельности⁵. А на подходе были сборник о советской культуре на немецком языке⁶ и новая (под старым названием) монография на итальянском о повседневности на Урале в годы Гражданской войны⁷. В те дни в одном из телефонных разговоров

с Наташей я осторожно сформулировал пожелание приобрести что-нибудь на память об этом необычном публикационном урожае. И рассказал о кольце. Наташа мои размышления энергично поддержала. В последнюю субботу февраля я собрался с духом и, приехав на блошинный рынок, примерил кольцо. Оно село как влитое. Но я отложил покупку еще на неделю: перспектива расстаться с большой суммой вселяла нерешительность.

* * *

В конце следующей недели Манни, как всегда, прибыл на рынок в 7:30. По нему можно было сверять часы. Я не хотел мешать ему раскладывать товар и ограничился вопросом, не продано ли еще то кольцо, к покупке которого я, кажется, созрел. Манни радостно рассмеялся и дружески похлопал меня по плечу. Мы договорились, что я зайду к нему через полчаса.

В урочный час я стоял перед его прилавком. Как издавна повелось, по моей просьбе покупку предварял его подробный рассказ о предмете. Да, венская работа, высокопробное золото весом более 10 граммов. Южноафриканский алмаз очень качественно выполненной шлифовки «роза» (с двадцатью четырьмя гранями), неплохого уровня чистоты, из числа добытых вскоре после открытия африканских копей в 1880-х годах. Проба золота и подлинность камня были тут же продемонстрированы с помощью химических реактивов и специального прибора для проверки драгоценных камней. Неизвестно, по чьему заказу было изготовлено кольцо, но заказчик, по мнению Манни, должен был быть весьма состоятельным человеком, чтобы позволить себе такую роскошь.

В свою очередь, мой визави поинтересовался поводом для покупки.

— День рождения?

— Нет, — ответил я и объяснил мотив приобретения.

— Три книги?!!

Манни поздравил меня и радостно улыбнулся:

— Значит, скоро можно будет начать новую книгу, про блошинный рынок?

— Да, — ответил я, — начнем в апреле.

Настал решающий момент: сколько стоит эта вещь? Манни задумался и после едва заметных колебаний назвал цену весьма умеренную — значительно ниже названной неделей раньше коллеге-торговцу и постоянной покупательнице и, по его словам, вдвое ниже стоимости материалов, из которых было изготовлено ювелирное изделие.

— Нет, — возразил я, — ты получишь столько, сколько ожидал неделей раньше от потенциальных покупателей.

— Ну, Игорь, тогда я перед сном буду за тебя молиться, — как всегда, тут же отреагировал шуткой Манни.

Я протянул ему деньги. Помедлив мгновение, он вернул мне сдачу — половину разницы между нашими предложениями.

— Нет, Игорь, я так не могу. Ты подарил мне такую книгу, и вообще... Правда, я ее еще не прочитал. Но я не из тех, кто сдается. И я пенсионер — у меня полно свободного времени.

Так принято на блошином рынке: продавец и покупатель уступают друг другу, договариваясь примерно посередине между первоначально называвшимися суммами. Особенность нашего торга состояла в том, что покупатель предложил цену выше, чем назвал продавец.

По совершении сделки Манни предложил мне сфотографировать его квитанцию о приобретении кольца, выписанную на аукционе: вещь дорогая, лучше иметь сопроводительную бумагу об источнике происхождения — таков был его резон. Мы поблагодарили друг друга и расстались, довольные сделкой.

Так я оказался владельцем предмета, приобретенного на память о собственных успехах. На следующий день мы вновь увиделись на блошином рынке, и Манни опять поблагодарил меня за покупку накануне и выразил радость, что кольцо досталось именно мне. Я ответил ему тем же. Мы простились до следующей встречи через неделю. Кто бы мог подумать, что содержание послания, заключенного в приобретенном памятном подарке самому себе, через несколько дней радикально изменится?

* * *

Неделю спустя, 9 марта, Манни не пришел на блошинный рынок ни в 7:30, ни позже. У меня никогда не было телефона Манни, только электронный адрес, которым я воспользовался лишь пару раз. Часам к десяти я заподозрил неладное и подошел к коллегам Манни с просьбой позвонить ему и выяснить, не случилось ли чего. Женщина, которая когда-то познакомила меня с Манни (покупка набора для сервировки рыбных закусок), — Ники, как я начну называть ее спустя неделю, чуть помедлив, произнесла:

— Он больше не придет.

— Почему? — Глупее вопрос трудно было придумать. Но в мою внезапно онемевшую голову ничего умнее не приходило. Она повторила свою фразу, я — свой вопрос. Она пытливо посмотрела на меня, ничего не ответила и пошла прочь.

Смерть Манни неожиданно глубоко поразила меня. Это был совершенно новый опыт столкновения со смертью, внезапной и обескураживающей, к которой невозможно подготовиться, от которой нельзя защититься. Я вдруг почувствовал, что потерял друга.

В тот день я несколько раз пытался рассказать окружающим о своих переживаниях. И не мог — голос перехватывал предательский спазм. Два собеседника поддержали

меня в тот день: Юрий Слёзкин и моя жена. Замечательный историк, антрополог и филолог, переводивший тогда в Мюнхене на русский язык свое исследование о Доме правительства⁸, услышав в тот вечер о происшедшем, отреагировал моментально: эту историю, по его мнению, обязательно нужно написать.

Тем не менее я решил, что о проекте можно забыть. В тот день я даже поспорил с Наташей: она была уверена, что книгу будет возможно продолжить — ведь на блошином рынке есть еще немало людей, которые могут поддержать мое начинание. Я в это не верил. И как можно вообще планировать что-то, если неизвестно, не схватит ли тебя костлявая ближайшей ночью? Мое искреннее отчаяние отдавало излишней театральностью, но эта была форма защиты от нахлынувшего горя.

Наташа, с ее неистребимым жизнелюбием, несокрушимым здравым смыслом, огромной любовью к ближним и пугающе безошибочной интуицией, оказалась права. Как выяснилось в считанные дни, нашлись люди, согласившиеся сотрудничать со мной из уважения к памяти о Манни. При их деятельном участии я начал собирать материал для книги, и проект обрел новые смыслы и грани. А старинное кольцо из «места памяти» о собственных достижениях неожиданно-негаданно превратилось в вещь, сохранившую память о Манни — человеку, который мог стать моим другом и соавтором.

* * *

Весь этот проект тоже отчасти может рассматриваться как памятник Манни: обстоятельства его смерти и посмертные приключения его бранных останков привнесли в мое исследование о блошином рынке радикально новый смысл. Дело в том, что мертвым Манни никто из обширного круга его друзей и знакомых не видел, и никто из нас не знает, где находится его могила и вообще — погребен ли он.

Вокруг его смерти много неясного и противоречивого. Известно, что в последние дни Манни жаловался на боли в груди и после настоятельных уговоров друзей записался на прием к врачу на среду, 7 марта. Многие видели его в воскресенье, 4 марта, на крупнейшем рынке антиквариата под Мюнхеном, проходящем в первое воскресенье каждого месяца. На следующий день с ним разговаривали по телефону. Во вторник он не отвечал на звонки и не появился на аукционе, который неукоснительно посещал по вторникам и четвергам. Никто не забил тревогу. В среду он не был на утреннем приеме у врача. И у него не работал автоответчик. В тот же день полиция нашла его мертвым в собственной квартире. По слухам, официальное заключение зафиксировало смерть во сне. В четверг автоответчик опять был включен. Это пробудило у его друзей, которые пока не знали печальную новость и безуспешно продолжали ему звонить, слабую надежду, что он жив, но не может воспользоваться телефоном — например, находясь в реанимации.

Шли дни, складываясь в недели и месяцы, но традиционного объявления в местных газетах о кончине и дне похорон Манни не появлялось. Как могло случиться, что человек с деньгами и связями, с жильем и пенсией, в центре Европы, в XXI веке бесследно пропал, без возможности для его окружения что-нибудь узнать о причине смерти, проводить в последний путь, навестить могилу? Как это вообще возможно, чтобы европеец, который, согласно традиции, должен быть связан с христианской общиной тремя событиями — рождением, вступлением в брак и смертью, исчез с поверхности земли без ведома и участия общины?

Манни был одинок. У него не было ни жены, ни детей. Единственная родственница — сестра-близнец — жила в Дании и, поговаривали, не испытывала добрых чувств ни к Мюнхену, ни к брату. Она распорядилась по поводу места и формы его погребения. Найденный друзьями

Манни служащий мэрии, выполнивший ее распоряжение, не имел права раскрыть эту тайну и адресовал просителей к душеприказчице. А она, в свою очередь, не хотела разговаривать ни с кем из друзей Манни под тем предлогом, что у него якобы и друзей-то никогда не было. Ходили слухи, что покойника увезли на север Германии, кремировали и захоронили анонимно. Этого Манни опасался и ни в коем случае себе не желал, о чем собирался оставить дома письменное распоряжение. По другим слухам, его труп оказался в одном из криминологических институтов Германии на судебно-медицинской экспертизе.

Квартира Манни оставалась опечатанной недели спустя после его кончины, автоответчик продолжал работать, в чем я убедился в конце апреля. Значит, на тот момент дело не было закрыто. Друзья гадают: почему полиция была оповещена о его исчезновении не 6, а только 7 февраля? И когда он все-таки умер? Все ли цело в его квартире, в которой, по слухам, он хранил деньги, драгоценности и предметы старины?

Оставим эти вопросы полиции. Вряд ли ответы на них когда-нибудь станут доступны друзьям Манни. Но ясно одно: эту книгу можно рассматривать как единственный памятник, «воздвигнутый» в честь Манни.

* * *

Блошиный рынок — замечательное пространство, с помощью которого можно было бы увековечить память о Манни. Блошиный рынок — это неповторимая, как в детском калейдоскопе, мозаика предметов, позволяющих заглянуть в частную и даже интимную жизнь людей, большая часть которых давно умерли. Это завораживает одних и пугает других. Именно тайны умерших, сокрытые в выставленных на блошином рынке предметах, притягивают и отпускают. Он мало кого оставляет равнодушным, стоит лишь

чуть присмотреться к нему. В этой среде Манни чувствовал себя как рыба в воде. А теперь он и сам стал прошлым с собственными тайнами, которые унес с собой.

Ныне мы больше, чем когда-либо, убеждены, что Манни был неотделим от блошиного рынка, стал плотью от плоти его, а тот, в свою очередь, был формой жизни Манни. После его смерти проект постепенно приобрел новые акценты и вполне самостоятельную логику. Сегодня он посвящен не только блошиным рынкам (и Манни как его представителю), но и повседневному, приватному, неофициальному и непрофессиональному обращению с прошлым в целом. В ходе этой работы мы приобрели множество новых, совершенно неожиданных познаний. По каким-то вопросам — наверняка больше, чем знал или захотел бы рассказать Манни. Многие из того, что он мог бы рассказать, мы, напротив, теперь уже никогда не узнаем. Потому что каждый рассказчик неповторим, поскольку является носителем уникального опыта, в какие бы готовые повествовательные формы он его ни облакал.

Как бы то ни было, без нашего знакомства с Манни этот проект был бы другим. В тексте наш добрый знакомый с блошиного рынка нет-нет да будет появляться — то в роли продавца, то в качестве консультанта или просто милого собеседника. Поэтому наши первые слова благодарности адресуются Манни и доброй памяти о нем. Именно благодаря сердечному отношению к нему многие «постояльцы» блошиного рынка — арендатор рынка, торговцы, покупатели, коллеги, клиенты и друзья Манни — согласились рассказать о своем приходе на развалы старины и об опыте обитания там. К сожалению, по их просьбе мы не можем назвать их. С этими замечательными людьми, скрытыми под вымышленными именами, читатель будет время от времени встречаться на страницах книги. Всем им мы до глубины души признательны за откровенность и готовность прийти на помощь.

* * *

Исследователь собирает необходимые знания и набирается нового опыта не только в процессе работы в обсерватории, лаборатории, прозекторской, «в поле», в архиве или библиотеке. Изложение хода и результатов исследования — важная часть исследовательского процесса, и на этой стадии работы мы тоже встретили заинтересованную поддержку, которую очень ценим. Мы благодарны организаторам и участникам официальных и неофициальных обсуждений отдельных сюжетов этого исследования в Перми, Челябинске, Екатеринбурге, Санкт-Петербурге и Казани (в хронологическом порядке): Галине Янковской, Алексею Килину, Константину Шнейдеру, Александре Кукулиной, Наталье Суржиковой, Борису Колоницкому, Михаилу Лурье, Амирану Урушадзе, Оксане Нагорной, Герману Мягкову, Александре Колесник, Марии Ромашовой, Людмиле Кузнецовой. Наша глубочайшая признательность адресуется первым читателям из числа родных, которые уточнили наши сведения о собственных семейных историях: Владимиру и Тамаре Нарским, Василию и Тамаре Чумаковым, Эльге Хазановой, Ирине Мальковой, Татьяне Аникиной, Марине Черновой. Неоценимую помощь в создании последней версии текста монографии оказали ободряющие и критические замечания ее читателей — друзей и коллег: Павла Рабина, Бориса Ровного, Виктора Файбисовича, Галины Янковской, Константина Шнейдера, Елены Осокиной, Дитриха Байрау, Карла Шлэгеля. Важные предложения, подвигнувшие нас пересмотреть структуру книги, высказали прочитавшие рукопись Юрий Слэзкин, Константин Богданов, Беньямин Шенк. Ряд высокочтимых нами читателей манускрипта пожертвовали своим временем для добровольно принятого на себя кропотливого труда по научной и литературной редакции и корректуре текста. Мы благодарим за это Илью Кукулина, Юрия Немировского, Марию Майофис, Павла Уварова.

Мы признательны Дмитрию Графову и Александру Исакову за подготовку иллюстраций к книге. За разрешение использовать несколько фотографий мы благодарим Эльгу Хазанову, руководство Объединенного государственного архива Челябинской области, Государственного исторического музея Южного Урала (Челябинск) и Каслинского историко-художественного музея.

Мы очень рады, что эта книга обрела нынешний вид благодаря доброжелательному интересу Ирины Прохоровой, принявшей рукопись к публикации в «Новом литературном обозрении», а также профессионализму редактора серии «Культура повседневности» Льва Оборина и других сотрудников издательства.

Наша самая искренняя симпатия и признательность адресуется тем, кто об этом и не догадывается и вряд ли когда-нибудь прочтет эти строки. Это бесчисленные посетители мюнхенских, базельских, берлинских, московских и других блошиных рынков, барахолок, толкучек, бирж и развалов, где мы побывали одни или в компании детей и друзей. Это все те, кто создал «сцену» и «массовку», непередаваемую атмосферу и фон этих мест (и этой книги). Наблюдения за ними, оброненные ими фразы, услышанные обрывки их разговоров вдохновляли на работу над этим проектом.

И наконец, мы особенно признательны постоянным, профессиональным торговцам и разовым продавцам-любителям. Они не только стали героями этой книги. Неделя за неделей, приезжая на рынок, раскладывая свои товары, каждый раз уникальные порознь и неповторимые в своем сочетании, рассказывая о них и о себе, как это делал Манни, продавцы блошиного рынка пробуждали наш интерес, давали пищу уму и будоражили эмоции. Каждая встреча с ними становилась и, надеемся, будет становиться источником для ожиданий, опасений, надежд, открытий,

сожалений, фантазий, азарта, раздумий и радостей любителям блошиных рынков вроде авторов этой книги.

*Челябинская область, Еловое, 27 июля 2020 —
Ольденбург, 10 декабря 2020 — Челябинск, 19 февраля 2022*

P.S. Мы писали книгу в 2020–2021 годах. Затем мы воспользовались критическими замечаниями ее первых читателей. В течение нескольких месяцев доводили до ума структуру, оттачивали главные идеи, усиливали аргументацию, «уплотняли» текст, устраняя длинноты, вырезали фрагменты, не имеющие прямого отношения к интересующей нас постановке вопросов. Работа над содержанием книги была завершена 19 февраля 2022 года, за несколько дней до начала «специальной военной операции» в Украине.

Став современниками, очевидцами и участниками эпохальных перемен, разом превративших вчерашний день в необратимое прошлое, мы на собственном опыте убедились, насколько радикально актуальные перемены могут изменить взгляд на прошедшее. Мгновенно устаревает, обесмысливается, рушится то, что казалось неизблемым, убедительным и важным вчера. Новые проблемы, несущественные во вчерашних буднях, выходят на первый план.

В первые дни «спецоперации» мы думали: кому могут быть интересны сегодня «незаметные истории» из мирного вчерашнего дня на фоне небывалых планетарных сдвигов? А потом мы перестали сокрушаться о том, что наш текст безнадежно устарел. Может быть, читателю будет интересно заглянуть в совсем недавнее, но теперь уже скрывшееся за горизонтом прошлое, посмотреть с близкого расстояния недавнего непосредственного наблюдения на сложности в устройстве жизни на «Западе» и «Востоке», а также на возможности и проблемы «западно-восточных» взаимоотношений и взаимного восприятия «снизу», из перспективы «обычных» людей.

Челябинск, 20 марта 2022